

Вашингтон
Ирвинг
Сочинения

Вашингтон Ирвинг

Сочинения

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Ирвинг В.

Сочинения / В. Ирвинг — «Мультимедийное издательство
Стрельбицкого»,

Вашингтон Ирвинг (1783—1859), прозванный «отцом американской литературы», был первым в истории США выдающимся мастером мистического повествования. Данная книга содержит одну из центральных повестей из его первой книги «Истории Нью-Йорка» (1809) - «Замечательные деяния Питера Твердоголового», самую известную новеллу писателя «Рип ван Винкль» (1819), а также роман «Жизнь пророка Мухаммеда» (1850), который на протяжении многих лет остается одной из лучших биографий основателя ислама, написанных христианами. В творчестве Ирвинга удачно воплотилось сочетание фантастического и реалистического начал, мягкие переходы из волшебного мира в мир повседневности. Многие его произведения, украшенные величественными описаниями природы и необычными характеристиками героев, переосмысливают уже известные античные и средневековые сюжеты, вносят в них новизну и загадочность.

© Ирвинг В.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Замечательные деяния Питера Твердоголового	5
Рип Ван Винкль	10
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Ирвинг Вашингтон

Сочинения

Замечательные деяния Питера Твердоголового

Проглотив изрядное количество пищи, голландцы ощутили чудесную бодрость и воодушевление и приготовились к бою. «Ожидание, – говорит летописец, – ожидание встало на ходули». Мир позабыл кружиться, или, вернее, замер, чтобы наблюдать схватку, точно олдермен¹ с круглым брюшком, созерцающий битву двух воинственных мух на своем камзоле. Глаза всего человечества, как водится в подобных случаях, были обращены на Форт Христины². Солнце, словно маленький человечек в толпе на кукольном представлении, шныряло по небу, то здесь, то там высовывая голову и стараясь хоть одним глазком глянуть через плечи неотесанных облаков, которые толклись у него на дороге. Историки наполнили свои чернильницы; поэты махнули рукой на обед, потому ли, что берегли деньги на бумагу и гусиные перья, потому ли, что просто им нечего было есть. Древность угрюмо хмурилась из своей могилы, видя, как затмило ее Настоящее, – и даже Будущее, онемев, с разинутым в экстазе ртом взидало на поле брани.

Бессмертные боги, которые побывали когда-то в «переделке» под Троей, забрались теперь на перины облаков и поплыли над равниной, либо, под разными личинами, вмешались в толпу бойцов, потому что каждому из них хотелось присоединиться к пирогу славы. Юпитер отправил свой перун к известному меднику, чтобы тот навел на него блеск ради такого необыкновенного случая. Венера поклялась покровительствовать шведам и вместе с Дианой, прикинувшейся вдовой сержанта, направилась к укреплениям Форта Христины. Старый буян Марс сунул за пояс два пистолета, вскинул на плечо ржавый дробовик и побрел об руку с богинями, как пьяный капрал; а позади кривоногим трубачом плелся Аполлон, наигрывая самый фальшивый мотив.

На стороне голландцев-там волоокая Юнона восседала на обозной повозке; Минерва – ни дать ни ваять разбитная маркитантка – воодушевляла солдат на битву; подоткнув подол, она потрясала кулаками и доблестно бранилась по-голландски, немилосердно коверкая слова (ибо только недавно выучилась этому языку). А Вулкан изображал из себя неуклюжего кузнеца, только что произведенного в капитаны ополчения. Все объято было жутким безмолвием или шумной подготовкой: война подняла свою ужасную морду и громко лязгала железными клыками, наершив на заливке щетину штыков.

И вот могучие военачальники вывели вперед свои силы. Дюжий Ризинг стоял здесь, непоколебимый, как тысяча скал, защищенный частоколами, по самый подбородок, зарывшийся в глину траншей. Его отборные солдаты выстроились вдоль брустверов в свирепом наряде; каждый яростно нафабрил усы и напوماдил волосы да так туго заплел их в косицу, что глядел из окопа, ослабившись, точно мертвая голова.

Сюда-то и двинулся неустрашимый Питер, – брови насуплены, зубы стиснуты, кулаки сжаты; казалось, он пышет клубами дыма, так неистов был огонь, клокотавший в его груди. Его верный оруженосец ван-Корлир отважно следовал за ним с трубой, пышно увитой красными и желтыми лентами в память о прекрасной госпоже из Манхетто³. Позади вперевалку

¹ Городской советник.

² Шведская крепость в окрестностях Нового Амстердама (Нью-Йорка).

³ Манхетто – нынешний Манхеттен – остров, на котором стоит Нью-Йорк, в те времена именовавшийся Новым Амстердамом. Иногда и самый город называли по имени острова – Манхетто.

шли коренастые рыцари Гудзона ⁴. Тут были ван-Вики, и ван-Дики, и Тэн-Эйки; ван- Нессы, ван-Тассели, ван-Гролли; ван-Хозены, ван-Гизоны и ван-Бларкомы; ван-Верты, ван-Винкли, ван-Дэмы; ван- Пельты, ван-Рипперы и ван-Брэнты. Тут были ван-Хорны, ван-Хухи, ван-Бэншпотены; ван-Гельдеры, ван-Арсдели и ван-Бэммели; ван-дер-Бельты, ван-дер-Хуфы, ван-дер- Вурты, ван-дер-Лины, ван-дер-Пули и ван-дер-Спигли; потом шли Хофманы, Хухленды, Хопперы, Клопперы, Рикманы, Дикманы, Хогебумы, Розебумы, Усауты, Квакен- боссы, Роембаки, Гарребранцы, Бенсоны, Броуэры, Валь- дроны; Ондердонки, Варра-Вангеры, Шермерхорны, Стау- тенбурги, Бринкергофы, Бонтекусы, Никербокеры, Хох- страссеры, Тэн-Бричесы, Тоу-Бричесы и множество других достойных, имена которых слишком заковыристы, чтобы можно было их написать, – а если бы и написать, все равно их не выговорить человеку; все, как один, подкрепленные плотным обедом и, говоря словами великого голландского поэта, до края полные и гневом и капустой.

На мгновение могучий Питер замедлил шаг и, взобравшись на пень, обратился к своим дружинам па выразительном нижеголландском наречии, увещевая их драться, как «дюйвелы» ⁵, и уверяя, что если они победят, то получают пропасть добычи; если же падут в бою, то, умирая, будут осчастливлены сознанием, что отдали жизнь для блага отечества и что после смерти им суждено будет узреть свои имена в храме славы, увековеченные вместе со всеми великими этого века для восторженного преклонения потомков. Подконец он поклялся им словом губернатора (а они знали его слишком хорошо, чтобы усомниться в этом хоть на мгновенье), что, если какой-нибудь маменькин сын сыграет труса или хотя бы посмеет побледнеть от страха, он, Питер Стьюивезент, будет дубить его шкуру, пока тот не выскочит из нее, как змея по весне. Тут, выхватив свой верный клинок, он трижды взмахнул им над головой, приказал ван-Корлиру трубить атаку и с возгласом: «Святой Николай и Манхетто!» храбро ринулся вперед.

Его воинственные соратники, успевшие тем временем запалить свои трубки, тотчас же сунули их в рот, выпустили яростные клубы и под прикрытием дыма браво пошли на приступ.

Шведский гарнизон, которому хитрый Ризинг приказал не открывать огня, пока не станут видны белки глаз атакующих, в грозном молчании стоял под прикрытием, пока голландцы не поднялись на гласис ⁶. Только тогда дан был залп, такой потрясающий, что далее холмы вокруг содрогнулись и с перепугу не сдержали вод, так что хлынули из их боков ручьи, которые продолжают течь и по сей день. И, конечно, голландцы полегли бы тут все под этим жестоким огнем, не позаботясь Минерва, их покровительница, чтобы шведы все, как один, зажмурили глаза. И отворотили головы, готовясь дать этот залп.

Не успели стихнуть еще раскаты, как шведы перепрыгнули через контрэскарп ⁷ и с гневными выкриками обрушились на противника, схватившись с голландцами врукопашную. Много тут можно было увидеть подвигов, которым нет равных ни в летописях, ни в песнях. Здесь широкоплечий Стоффель Бринкергоф, презирая всякое иное оружие, размахивал своей дубиной, как некогда великан Бландерон своим дубом, и выколачивал ужасную дробь по твердым головам шведского воинства. Там в ожидании, подобные древним локрийским лучникам ⁸, стояли ван- Кортленды и жестоко теснили врага, сгибая луки, которыми славились недаром. На высоком бугре собрались храбрецы Синг-Синга ⁹, громкою песней славословия святого Нико-

⁴ Река, на которой лежит остров Манхеттен.

⁵ Голландское произношение английского слова «девил» – дьявол.

⁶ Покатый склон перед укреплением.

⁷ Искусственный ров, защищающий траншей.

⁸ Знаменитые лучники древней Греции.

⁹ Голландское поселение.

лая и тем самым способствуя успеху голландского оружия; одни лишь Садовники ¹⁰ Гудзона отсутствовали на поле брани, ибо были заняты опустошением соседних арбузных гряд.

В дальнем конце поля стояли ван-Гролли с Антонова Носа ¹¹; они стремились в самую гущу боя, но по причине своих длинных носов никак не могли пробраться через узкий проход между двумя холмами. Также и ван-Бэншотены из Ньяка и Какиата, столь известные своим, умением лягаться левой ногой, вынуждены были остановиться, так как не в силах были перевести дух после обильного обеда, который съели; их, конечно, разбили бы наголову, не подоспей к ним славный отряд вольтижеров ¹², состоящий из Хопперов, кои с превеликой резвостью поспешили на выручку ван-Бэншотенам, прыгая на одной ноге. Я не могу также умолчать о доблестных подвигах Антония ван-Корлира, который добрых четверть часа вел отчаянный бой с пухлым коротышкой, шведским барабанщиком; неустрашимый Антоний отменно выбабанил его шкуру и непременно уничтожил бы его на месте, случись у «его под рукой еще какое-нибудь оружие, кроме взятой им в бой трубы.

Между тем битва становилась все жарче. Вперед двинулись могучий Якобус Варра-Вантер и дружинники Воллабаута; следом за ними прокатились, как гром, все сметая перед собой, ван-Пельты из Эзопуса вместе с ван-Рипперами и ван-Брэнтами; потом Суи-Дэмы и ван-Дэмы, оглашая воздух проклятиями, двинулись во главе дружинников Хелл-Гэйта; последними прошли знаменосцы и телохранители Питера Стьюивезента с хоругвями великого бобра ¹³ Манхетто.

Тут-то и началась ужасная схватка, яростная борьба, свирепое безумство, иступленное отчаяние, смятение и самозабвение боя. Голландец и швед смешались, боролись, пыхтели, разили. Небеса затмились тучей снарядов. Банг! – грохотали ружья; хэк! – свистали палаша; бух! – ухали палицы; краш! – приклады мушкетов; удары, толчки, пинки, тумачи, царапины, фонари под глазами, расквашенные носы усугубляли ужас картины. Бей! не жалея, дробя и рубя, в хвост и в гриву, куда ни попадая, вверх тормашками, куча мала! «Дундер и бликстум!» ругались голландцы. «Сплиттер и сплаттер!» вопили шведы ¹⁴. «Штурмовать укрепления!» гремел Твердоголовый Питер. «Рвать мины!» рычал дюжий Ризинг. Тар-та-рар-ра-ра! – пела труба Антония ван-Корлира, пока все голоса и звуки, вопли боли, и яростный рев, и победные клики не слились в один ужасающий шум. Земля тряслась, будто ее хватил паралич; деревья корчились, поникнув при виде подобного зрелища; скалы, как кролики, зарывались в землю, и даже ручей Христины обратился вспять и, задохнувшись от ужаса, пустился наутек вверх по склону холма!

Долго исход сражения оставался сомнительным, хотя проливной дождь, ниспосланный тучесбирателем Юпитером, в известной мере охладил пыл бойцов, подобно ведру воды, выплеснутому на стаю грызущихся дворняг; противники передохнули только миг, чтобы с удесятеренной яростью ринуться друг на друга. Как раз в ту минуту, когда они снова сшиблись, громадный и плотный столб дыма медленно прокатился к полю брани. Бойцы замерли на миг, глядя на него в немом изумлении, пока ветер, развеяв темное облако, не открыл сверкающее знамя Майкеля Пау, предводителя Коммюнипау ¹⁵. Этот доблестный вождь выступал во главе фаланги раскормленных устрицами павонийцев и резервной дружины ван-Арсделей и ван-Бэм-мелей, которые оставались доселе в тылу, чтобы переварить проглоченный ими чудовищный обед. Теперь они мужественно продвигались вперед, с вызывающей силой раскуривая свои

¹⁰ Старинный голландский род, живший на берегах Гудзона.

¹¹ Мыс, вдающийся в Гудзон.

¹² Стрелки.

¹³ По словам Ирвинга, на городском знамени Нового Амстердама изображен был бобр в знак «земноводного происхождения» города и трудолюбия новоамстердамцев.

¹⁴ Воскликания, соответствующие русскому: «Гром и молния!».

¹⁵ Голландское поселение вблизи Нового Амстердама, в местности, носившей название Павония.

трубки, от чего и поднялась эта грозная туча дыма; но шагали вперед они медленно – из-за своих коротких ног и великой округлости корпуса.

В эту пору боги, хранившие счастье Нидерландов, беспечно покинули поле сражения и отправились в ближайший кабачок прохладиться кружкой пива, и это едва не повлекло за собой ужасную катастрофу. Едва дружинники Майкеля Пау достигли передовой линии боя, шведы, надоумленные лукавым Ризингом, обрушили град ударов прямо на их курительные трубки. Ошарашенные этим наскоком, поверженные в ужас гибелью трубок, дородные воины дрогнули, повернули и, подобно стаду испуганных слонов, понеслись на ряды своей же армии. Маленькие Хопперы были сметены этой волной; священное знамя, украшенное гигантской устрицей Коммюнипау, было втоптано во прах, а тяжеловесные беглецы с гулким топотом мчались дальше и дальше, теснимые шведами, которые прикладывали ноги свои к задним частям ван-Арсделей и ван-Бэммелей с силой, ускоряющей их движения донельзя; даже сам достойный Майкель Пау не избежал многих тяжких и далеко не почтительных прикосновений подошвенной кожи.

Но – о Муза! – как был неистов в гневе Питер Стьюи-везент, когда издали увидел он, что армия его отступает! В порыве гнева издал он рык, способный потрясти самые холмы. Этот звук новой отвагой наполнил сердца бойцов Манхетто, – вернее, они опомнились, услышав голос своего вождя, коего страшилось больше, нежели всех шведов в мире. Не дожидаясь их помощи, отважный Питер с мечом в руке ринулся в самую гущу врагов. И всякий мог лицезреть деяния, достойные дней великанов. Куда ни шагнет он, враги расступались перед ним; шведы бежали кто вправо, кто влево, он гнал их, как псов, в собственные их рвы. Но, так как с безоглядной храбростью проложил он себе путь в одиночку, враги сомкнулись за его спиной и ударили на него с тыла. Один из них нацелил удар прямо ему в сердце, но сила, хранящая всех великих и правых, отвела в сторону вражеский клинок и направила его на боковой карман, в котором, покоилась чудовищная железная табакерка, обладавшая сверхъестественной мощностью, подобно щиту Ахиллеса, – несомненно, потому, что украшена была изображением блаженного святого Николая. Питер Стьюивезент, как разозленный медведь, оборотился к врагу и схватил его, убежавшего, за непомерно длинную косицу.

– А, проклятый червяк! – прогремел он. – Червям на обед я тебя и отправлю!

С этими словами он взмахнул мечом и обрушил удар, который снес бы голову плуту, если бы милосердная сталь не скользнула мимо, навеки сббив косицу с головы шведа. В это время другой супостат из-за ближайшего вала выставил свою пищаль и взял смертельный прицел; но недремлющая Минерва, которая как раз нагнулась, чтобы поправить подвязку, увидев, какая опасность угрожает любимому ее герою, выслала старика Борея¹⁶ с его мехами, и в тот самый миг, когда фитиль готов уже был коснуться полки, он дунул и смахнул порох с полки прочь.

Так шло сражение, когда отважный Ризинг, озирая поле с вершины небольшого равелина¹⁷, увидел, что непобедимый Питер колотит, бьет и тузит его войска. Обнажив палаш, извергая тысячи проклятий, он двинулся к месту битвы такой громовой поступью, какой, по словам Гезиода, шагал Юпитер, спускаясь с небес, чтобы поразить своими перунами титанов.

Когда доблестные соперники встретились лицом к лицу, они приняли вид ветеранов – чемпионов арены. Затем с минуту они глядели друг на друга злобно, словно два взбешенных кота, готовых сцепиться. Потом стали в одну позу, в другую, ударяя мечами в землю – сперва справа, затем слева, и наконец, разом бросились вперед с невероятной свирепостью. Словами не передать всех чудес силы и доблести, которые явили они в этой страшной схватке, схватке, по сравнению с которой знаменитые битвы Аякса с Гектором, Орланда с Радомонтом, Ги Варвикского с Кольбрандом Датским или славного валлийского рыцаря сэра Оуэна Гор-

¹⁶ В римской мифологии бог ветра.

¹⁷ Возвышение, защищающее траншеи.

ного с великаном Гуилоном – только нежные игры и праздничные забавы. Но вот доблестный Питер, улучив удобный момент, нанес удар, который мог бы рассечь его противника до самого подбородка; однако Ризинг, быстро взмахнув мечом, на самую малость успел отклонить палаш Питера Твердоголового так, что, скользнув вбок, он срезал начисто большую манерку, в которой у шведа было вино, и, продолжая разящий свой путь, отсек глубокий карман его камзола, набитый хлебом и сыром, – и сей провиант, покотившись среди двух армий, послужил причиной для новой неистовой потасовки между шведами и голландцами, так что общая схватка разгорелась еще яростней прежнего.

Вскипев при виде гибели своих боевых запасов, отважный Ризинг собрал все свои силы и направил мощный удар на голову героя. Тщетно меховая треуголка попыталась остановить падение вражеского меча. Острая сталь рассекла упрямый бобер и, конечно, раскроила бы череп всякому, кого природа не наделила сверхъестественной твердостью головы; но хрупкий клинок разбился в куски о череп Твердоголового Пита, брызнув тысячами искр, которые подобно ореолу славы осенили его лицо.

Добрый Питер качнулся под ударом и, вскинув кверху глаза, увидел, как пляшут на небосводе тысячи солнц, не говоря уже о лунах и звездах; и наконец, не имея должной опоры, так как одна нога у него была деревянная, рухнул на благородное свое седалище с громом, потрясшим холмы, и жестоко бы расшибся при этом, если бы не угодил на подушку мягче бархата, которую провидение, или Минерва, или святой Николай, или какая-нибудь корова заботливо приготовили, чтобы принять его в этот суровый миг.

Яростный Ризинг, наперекор правилу, принятому среди всех истинных рыцарей, что «честная игра дороже серебра», поспешил воспользоваться падением героя; но, когда он наклонился, чтобы нанести роковой удар, Питер Стьюивезент стукнул его по башке своей деревянной ногой, от чего в мозгу у того грянуло во все колокола. Оглушенный швед зашатался; а находчивый Питер, схватив карманный пистолет, валявшийся тут же, разрядил его прямо в голову своему врагу. Пусть не заблуждается мой читатель: это не было убийственное оружие, заряжаемое порохом и пулей; нет, это была увесистая глиняная фляга, по самое дуло заряженная двойной крепкой водкой, истинной отвагой голландца; эту флягу носил за ним, чтобы подкреплять его доблесть, небезызвестный Антоний ван-Корлир, из сумки которого она и выпала во время его яростной схватки с барабанщиком. Страшное оружие просвистало в воздухе и, так же верно, как обломок скалы, пущенный в Гектора буяном Аяксом, угодило в голову дюжему шведу.

Этот удар, направленный самим небом, решил исход сражения. Грузная голова генерала Яна Ризинга поникла на грудь; колени его подогнулись; оцепенение, подобное смерти, объяло его тело, и он грохнулся наземь с такой силой, что старый Плутон вскочил, испугавшись, как бы не проломила крыша подземного дворца.

Падение Ризинга было сигналом поражения и победы: шведы дрогнули и ударились в бегство, голландцы устремились вперед и преследовали их по пятам. Иные, вперемежку со шведами, проникли в крепость через подземный ход; другие штурмовали бастион¹⁸, третьи карабкались на куртины¹⁹. Так в скором времени крепость Форта Христины, которая, словно вторая Троя, противостояла осаде полных десять часов, взята была приступом, причем не было потеряно ни единого человека ни с той, ни с другой стороны. Победа, в образе гигантского овода, уселась на рогатую треуголку бесстрашного Стьюивезента; и было объявлено всеми историками, которых он нанял, чтобы написать летопись своих деяний, что в этот памятный день он стяжал такое количество славы, какого хватило бы, чтобы обессмертить добрый десяток величайших героев христианского мира.

¹⁸ Крепостная башня.

¹⁹ Крепостные насыпи.

Рип Ван Винкль

Перевод Михаила Гершензона (1937)

Всякий, кому случалось путешествовать вверх по Гудзону, помнит, конечно, Каатскильские горы. Это – дальние отроги великой семьи Апалачианов; к западу от реки гордо возносятся они ввысь, господствуя над окрестной страной. С каждой новой порой года, с каждой переменной погоды, даже с каждым часом дня преобразаются волшебные краски и очертания этих гор, и у всех добрых хозяек, ближних и дальних, слывут они безупречным барометром. Когда погода ясна и устойчива, они одеты в синеву и пурпур, и смелые контуры их четко вырисовываются на ясном вечернем небе; но порой, когда все кругом безоблачно, они стягивают вокруг своих вершин капюшон серой дымки, и в последних лучах заходящего солнца он пылает и светится, как венец славы.

У подножия этих волшебных гор путешественнику, быть может, случалось видеть легкий дымок, вьющийся над деревней, гонтовые крыши которой блестят среди деревьев как раз в том месте, где синева предгорий сменяется яркой зеленью ближних лесов.

Это старинная деревушка, основанная колонистами-голландцами в давние времена, в самом начале правления доброго Питера Стьюивезента ²⁰ (да покоится прах его в мире!), и еще не так давно стояло тут несколько домиков первых поселенцев, домиков, сложенных из маленьких желтых кирпичей, привезенных из Голландии, с решетчатыми окнами и флюгерными петушками на гребнях крыш.

В этой-то деревушке, в одном из этих самых домов (который, правду сказать, порядком пострадал от времени и непогоды), жил много лет назад, когда край этот был еще провинцией Великобритании, простой и добрый малый по имени Рип Ван Винкль. Он был потомком тех Ван Винклей, что отличались такой доблестью в героические времена Питера Стьюивезента и сопутствовали ему в дни осады форта Христины ²¹. От воинственного характера своих предков унаследовал он, однако, немного. Я сказал, что это был простой и добрый человек; сверх того, он был хороший сосед и послушный, многострадальный муж. Выть может, именно последнему обстоятельству он был обязан той кротостью духа, которая снискала ему всеобщую любовь; потому что «окладистей и услужливей всего бывают те мужчины, которые дома привыкли слушаться сварливых жен. Их нрав, без сомнения, становится гибким и податливым в жарком горниле домашних невзгод, и наставления супруги лучше всех проповедей на свете воспитывают добродетели послушания и терпения. Поэтому сварливую жену можно считать в некотором отношении за благо, а если так, то Рип Ван Винкль был одарен этим благом в избытке.

Одно можно сказать – он был любимцем всех хозяйшек деревни, которые, по обычаю женского пола, держали его сторону во всех семейных передрягах и, обсуждая эти дела в своих вечерних сплетнях, никогда не упускали случая взвалить всю вину на госпожу Ван Винкль. Деревенские ребятишки тоже неизменно встречали его радостными криками, Он участвовал в их играх, мастерил им игрушки, учил их запускать змей и играть в камешки и рассказывал им длинные сказки про духов, про ведьм и про индейцев. Когда бы ни брел он по деревне, его окружала ватага ребят; они хватали его за полы, карабкались ему на спину, безнаказанно проделывали с ним тысячи шуток, и не было такой собаки в округе, которой вздумалось бы на него залаять.

²⁰ Питер Стьюивезент управлял голландской колонией в Америке с 1647 года по 1664 год; в 1664 году Голландия уступила эту колонию Англии.

²¹ Форт Христины был шведской крепостью; голландцы овладели ею после осады, под командованием Питера Стьюивезента. Форт Христины был расположен неподалеку от того места, где сейчас стоит Филадельфия.

Большим недостатком в характере Рипа было его неодолимое отвращение ко всякого рода полезной работе. Не то, чтобы ему не доставало усидчивости и терпения. Сидел же он на мокром камне с удочкой, длинной и тяжелой, как татарская пика, и удил рыбу весь день-деньской безропотно, хотя бы у него и не клюнуло ни разу! Он часами таскал на плече ружье, бродя по лесам и болотам, по горам и долам, чтобы подстрелить двух-трех белок или диких голубей. Никогда не отказывался он пособить соседу даже в самой тяжелой работе и был первым человеком, когда народ всей деревней собирался лущить кукурузу или класть каменные заборы; и соседки постоянно обращались к нему со всякими поручениями, с мелкими делами, которых не стали бы делать их менее стоворчивые мужья. Короче говоря, Рип готов был взяться за чье угодно дело, лишь бы не за свое собственное; исполнять же обязанности отца семейства и держать в порядке свою ферму он никак не мог.

Он уверял, что со своей фермой ему и возиться не стоит – это самый незадачливый клочок земли во всей округе, все там не ладится и не будет ладиться, что он ни делай. Заборы у него то и дело разваливались; корова то уходила в лес, то сворачивала в капусту; бурьян, конечно, рос у него на поле быстрее, чем где бы то ни было; дождь всегда норовил хлынуть как раз в ту минуту, когда он должен был взяться за какую-нибудь работу на дворе. И хотя отцовское имение все уменьшалось да уменьшалось в его руках, пока не осталась от него одна только полоска кукурузы да картофеля» все же нигде по соседству не было хуже обработанной фермы.

И дети его бегали оборванные и одичавшие, как будто росли без родителей. Сын его Рип был похож на отца; можно было ожидать, что он унаследует отцовские привычки вместе с его старым платьем. Обычно он бегал, как жеребенок, за матерью, наряженный в старые отцовские панталоны, которые с великим трудом придерживал одной рукой, как знатная дама придерживает шлейф в дурную погоду.

Несмотря на это, Рип Ван Винкль был одним из тех счастливых смертных, легкомысленных и беспечных по натуре, которые живут в свое удовольствие, едят свой хлеб – белый или черный, какой придется, лишь бы он доставался без пруда и заботы, и готовы скорее лениться и голодать, чем работать и жить в достатке. Будь он один, он всю свою жизнь посвистывал бы, в кулак и был бы как нельзя более доволен; но жена его непрерывно жужжала ему в уши, что он ленив, что он беззаботен, что он погубит всю свою семью. Утром, днем и ночью язык ее работал, не переставая, и что бы Рип ни сказал и что бы он ни сделал – это мгновенно вызывало поток супружеского красноречия. У него был один только способ отвечать на все проповеди этого рода, и способ этот, вследствие частого употребления, вошел у него в привычку. Он пожимал плечами, покачивал головой, закатывал глаза, но не произносил ни звука. Это, однако, всегда вызывало новый взрыв ярости, так что он поневоле переходил в отступление и спасался из дому бегством – единственное, что остается делать мужу, который попал к жене под башмак.

Среди домашних единственным приверженцем Рипа был его пес Волк, которому доставалось не меньше, чем хозяину, ибо госпожа Ван Винкль обоих считала лентяями и даже подозревала, что именно Волк сбивает хозяина с толку. Сказать правду, по всем статьям, какие полагается иметь порядочному псу, Волк был не хуже и не трусливее других животных, которые рыщут по лесам. Но какая храбрость устоит против вечных придинок женского языка? Как только Волк входил в дом, его загривок опадал, хвост опускался к земле или сворачивался между ног; пес крался с виноватым видом, то и дело поглядывая искоса на госпожу Ван Винкль, и при первом взмахе метлы или чумички с визгом кидался к двери.

С годами семейная жизнь Рипа Ван Винкля становилась все тяжелее: жесткий нрав с возрастом не становится мягче, а острый язык – единственный из режущих инструментов, который от постоянного употребления делается острее. Долгое время Рип, будучи выгнан из дому, находил утешение в том, что посещал некоторое подобие постоянного клуба мудрецов, философов и прочих деревенских лентяев; клуб этот заседал на скамье перед кабачком, вывес-

кой коему служил¹ красно-бурый портрет его величества Георга III²². Тут просиживали они в холодке весь долгий и праздный летний день, без всякого оживления толкуя о деревенских делах или сонно рассказывая бесконечные дремотные истории ни о чем. Однако, иной государственный деятель заплатил бы немалые деньги, чтобы послушать глубокомысленные споры, возникавшие порой, если случайно, через какого-нибудь прохожего, попадала в их руки старая газета. Как важно прислушивались они к ее содержанию, которое не спеша прочитывал им школьный учитель Деррик Ван Боммель – такой дока, что ему нипочем было самое что ни на есть длинное слово во всем словаре, – и как мудро обсуждали они события через несколько месяцев после того, как они совершились!

Общественным мнением этого клуба безраздельно управлял Николас Веддер – деревенский патриарх и хозяин кабачка, у дверей которого сидел он с утра и до ночи, передвигаясь ровно настолько, сколько необходимо было, чтобы укрыться от солнца в тени большого дерева; так что соседи могли по его движениям определять время так же точно, как по солнечным часам. Правда, говорил он редко, зато беспрерывно курил свою трубку. Тем не менее его приверженцы (ибо приверженцы есть у каждого великого человека) отлично понимали его и умели узнавать его мнение. Если что-либо из прочитанного или рассказанного не нравилось ему, он обычно раскуривал свою трубку с силой, сердито выбрасывая короткие, частые клубы дыма. Если же бывал он доволен, то втягивал дым медленно и покойно, а выпускал его легкими мирными облачками; порой, вынув трубку из рта он степенно кивал головой в знак полнейшего своего одобрения, и душистый дымок вился вокруг его носа.

Но даже из этой твердыни в конце концов выжила Рипа грозная супруга, врываясь неожиданно в мирное собрание, осыпая насмешками его членов. И даже священная особа самого Николаса Веддера не была священна для дерзкого языка этой женщины, которая, нимало не смущаясь, обвиняла его в том, что он поощряет праздные наклонности ее мужа.

Бедный Рип, наконец, дошел почти до отчаяния, и единственное, что ему оставалось, чтобы избавиться от работы на ферме и криков жены, – это взять в руки ружье и отправиться бродить по лесам. Тут он садился иной раз под дерево и делил содержимое своей сумки с Волком, которого жалел как товарища по гонениям.

– Бедный Волк, – говорил он бывало, – собачья тебе жизнь у твоей хозяйки. Но не горюй, не горюй, дружище, – пока я жив, найдется кому за тебя заступиться!

Волк, помахивая хвостом, преданно глядел в лицо хозяину, и, если собаки могут чувствовать сострадание, я совершенно уверен, что он от всего своего сердца отвечал хозяину взаимностью.

Скитаясь таким образом, ясным осенним днем Рип забрел невзначай в одно из самых высоких мест в Каатскильских горах. Он занят был излюбленной своей охотой на белок, и безлюдные горы не раз оглашались эхом его выстрелов. Утомленный и запыхавшийся, уже под вечер, он бросился на зеленый бугор, поросший горными травами, на краю пропасти. В просвет между деревьями ему открылись горные склоны, много миль дремучих лесов. Ему виден был могучий Гудзон, далеко-далеко внизу, текущий величаво и безмолвно; кое-где на его зеркальной груди отражалось багряное облачко или парус медлительной барки, а еще дальше течение реки терялось в синеве предгорий.

С одной стороны перед ним лежала глубокая горная долина, пустынная и косматая; дно ее завалено было обломками нависших над ней скал и скупое освещалось отраженными лучами заходящего солнца. Довольно долго Рип лежал, дивясь на этот вид. Мало-помалу надвигался вечер; горы отбрасывали длинные синие тени в долины. Рип смекнул, что стемнеет задолго до того, как он успеет добраться до деревни, и тяжело вздохнул, подумав о встрече с грозной госпожой Ван Винкль.

²² Георг III (1760–1820) – английский король.

Он собирался уже спускаться с горы, когда услышал голос, долетевший издалека: «Рип Ван Винкль! Рип Ван Винкль!» Рип оглянулся, но увидел только ворону, направлявшую свой одинокий полет через горы. Он решил, что его обмануло воображение, и опять повернулся, чтобы спускаться, но снова услышал в тихом вечернем воздухе тот же зов: «Рип Ван Винкль! Рип Ван Винкль!» И в тот же миг Волк ошетирил заливов и с тихим воем метнулся к своему хозяину, испуганно глядя вниз, в долину. Тут уж и Рип почувствовал, что его охватывает смутная тревога; он боязливо посмотрел в том же направлении и заметил странную фигуру, медленно карабкавшуюся вверх по скалам и согнувшуюся под тяжестью ноши, которую несла на спине. Он удивился, что видит человека в этом пустынном и безлюдном месте. Однако, подумав, что это кто-нибудь из соседей, которому нужна его помощь, Рип поспешил вниз, готовый оказать ее.

Подойдя ближе, он удивился еще больше странному виду незнакомца. Это был низенький, коренастый старик с густыми взлохмаченными волосами и седой бородой. На нем было старинное голландское платье: куртка, стянутая в поясе ремнем, несколько пар штанов – самые верхние, необычайной ширины, были украшены рядами пуговиц по бокам и бантами ниже колен. На плече он нес изрядный бочонок, как видно, полный вина, и знаками приглашал Рипа подойти и помочь ему. Немного оробев и не совсем доверяя новому знакомцу, Рип все же охотно ему помог. И, поспешая друг другу, они стали взбираться по узкой промоине, видимо, высохшему ложу горного потока.

Во время подъема Рип слышал порою протяжные раскаты, точно отдаленный гром; они доносились, казалось, из глубокого оврага, скорее – расселины между высокими скалами, к которой вела их обрывистая тропа. Он помедлил минутку, но, решив, что это отголоски мимолетной грозы, обычной на горных высотах, двинулся дальше.

Перебравшись через овраг, они пришли к котловине, похожей на маленький амфитеатр. Котловина окружена была отвесными утесами; вверху, свесив в пропасть ветви, стояли деревья, так что снизу лишь изредка виднелся клочок лазурного неба или яркое вечернее облачко.

Все это время Рип и его спутник подвигались вперед молча: хотя Рип немало дивился, зачем понадобилось тащить бочонок вина на такую пустынную гору, – однако, было в незнакомце что-то странное и непонятное, что внушало страх и сковывало язык.

Войдя в котловину, Рип увидел немало удивительного. На ровной площадке посреди амфитеатра несколько человек странного вида играли в кегли. Они одеты были в чудные платья заморского покроя: одни – в коротких камзолах, другие – в куртках с длинными ножами у пояса; большинство носило широчайшие штаны, вроде тех, какие были на проводнике Рипа.

И лица тоже были у них необыкновенные: у одного была большая голова, широкое лицо и маленькие свиные глазки; лицо другого состояло, казалось, из одного только носа, а голову его украшала белая шляпа вроде сахарной головы, с маленьким красным петушиным пером. У всех были бороды, разного вида и разного цвета.

Один из них, видимо, был начальником. Это был крепкий старик с обветренным лицом; на нем был камзол с галунами, широкий кушак и кортик, высокая шляпа с пером, красные чулки и туфли с розетками, на высоких каблуках.

Вся эта группа напомнила Рипу фигуру на старой фламандской картине в гостиной у Домини Ван Шайка, деревенского священника, – картину эту привезли из Голландии в те времена, когда была основана деревня ²³.

Особенно странным показалось Рипу, что, хотя весь этот народ, по-видимому, развлекался, у всех были самые серьезные лица и все хранили таинственное молчание; никогда в жизни не видал он такого унылого веселья. Ничто не нарушало тишины, кроме стука шаров, которые, едва покатавшись, будили в горах эхо, подобное рокочущим раскатам грома.

²³ Первое поселение голландцев на острове Манхэттен, где впоследствии вырос Нью-Йорк, было основано в 1614 году.

Когда Рип со своим спутником приблизился к ним, они внезапно бросили игру и установились на него неподвижными, словно у статуи, глазами, и лица у них были такие странные и темные, что сердце у него ёкнуло и колени задрожали. Тут спутник его вылил содержимое бочонка в большие кубки и кивнул ему, чтобы он подал их играющим. Рип послушался со страхом и дрожью; они выпили в глубоком молчании, потом снова принялись за игру.

Мало-помалу страх и тревога Рипа проходили. Он осмелился даже, когда никто не смотрел на него, отведать напитка, который, как ему показалось, имел вкус отменной голландской водки. Рип был, разумеется, не дурак выпить и скоро соблазнился хлебнуть еще разочек. Один глоток потребовал второго, и Рип прикладывался к кубку так часто, что в конце концов сознание его затуманилось, голова закружилась, поникла на грудь, и он погрузился в глубокий сон.

Проснувшись, Рип увидел, что лежит на зеленом бугре, с которого впервые заметил стапика в долине. Он протер глаза – стояло яркое солнечное утро. Птицы порхали и щебетали в кустах, и орел кружил в небе, подставляя грудь чистому горному ветру.

«Не может быть, – подумал Рип, – чтоб я проспал тут всю ночь».

Он стал вспоминать, что было с ним перед тем, как он уснул. Незнакомец с бочонком водки, горное ущелье, дикое убежище среди скал, похоронная игра в кегли, кубок...

«Ох, этот кубок! Этот проклятый кубок! – подумал Рип. – Что скажу я теперь госпоже Ван Винкль?»

Он посмотрел по сторонам, ища свое ружье, но вместо блестящего, хорошо смазанного дробовика нашел подле себя изъеденный ржавчиной ствол с отваливающимся замком да источенное червями ложе. Тут пришло ему на ум, что бородачи сыграли с ним шутку и, подпоив, отняли у него ружье. Волк тоже исчез; но пес мог погнаться за белкой или куропаткой. Рип свистал и звал его по имени, но все напрасно; эхо повторяло его свист и крики, а пес не появлялся. Рип решил снова навеститься туда, где вчера вечером шла игра, и, если встретит кого-нибудь из игроков, потребовать своего пса и ружья. Когда он поднялся, чтобы идти, то почувствовал, что разгибается с трудом и что отяжелел больше обычного.

«Эти горные постели не по мне, – подумал Рип. – Если я схвачу после этой прогулки ревматизм, попадет же мне от госпожи Ван Винкль!»

С трудом спустился он в котловину и нашел промоину, по которой подымался вчера вечером со своим спутником. Но, к его удивлению, сейчас по ней несли пенный поток, прыгая со скалы на скалу и наполняя долину журчаньем. Рип все же попытался карабкаться кверху вдоль ручья, с трудом прокладывая себе дорогу сквозь заросли березняка, сассафраса²⁴ и орешника, то и дело путаясь в лозах дикого винограда, который протягивал свои завитки и усики от дерева к дереву и раскидывал хитрые сети на его пути.

Наконец добрался он до того места в ущелье, где среди скал открывался выход к амфитеатру. Но тут не осталось и следов этого выхода. Скалы стояли высокой, непроницаемой стеной; поток низвергался оттуда полосой перистой пены и падал в широкий и глубокий бассейн, черный от тени окружающего его леса. Бедному Рипу пришлось остановиться. Он снова позвал и посвистал своего пса; в ответ раздалось лишь карканье стайки праздных ворон, которые вились высоко в воздухе над сухим деревом, наклонившимся над озаренной солнцем пропастью. Чувствуя себя в безопасности, вороны, казалось, глядели вниз и потешались над замешательством бедняги. Что было делать? Утро уходило, и Рип почувствовал голод и вспомнил, что не тракал. Ему жаль было собаки и ружья; он со страхом думал о встрече с женой. Но не помирать же ему было с голоду здесь, в горах? Он покачал головой, вскинул на плечо ржавое ружье и с сердцем, полным тревоги и беспокойства, повернул к дому.

Приближаясь к деревне, Рип повстречал несколько человек, но никого из них он не знал, и это отчасти удивило его, так как он думал, что знаком со всеми по соседству. Да и платье

²⁴ Сассафрас – кустарниковое растение из семейства лавровых, распространенное в Северной Америке.

на них было иного покроя, чем тот, к какому он привык. Все они смотрели на него с таким же удивлением и всякий раз, взглянув на него, поглаживали подбородки. Видя этот постоянно повторяющийся жест, Рип невольно сделал то же и, к своему изумлению, обнаружил, что у него выросла борода в добрый фут длиной!

Он подошел уже к самой деревне. Ватага незнакомых ребятишек гналась за ним по пятам, с криком, с пиканьем, показывая на его седую бороду. И собаки, среди которых он не узнавал ни одной старой знакомой, лаяли на него, когда он проходил мимо. Да и деревня переменялась: она стала больше и многолюдней. Тут были ряды домов, которых он никогда прежде не видал, а старые, знакомые ему дома исчезли. Чужие имена были над дверями, чужие лица в окнах, – все было чужое. Разум изменил ему; его взяло сомнение: не околдован ли он и весь мир вокруг него? Конечно, это была родная его деревня, которую он покинул только вчера. Вон стоят Каатскильские горы; вон бежит вдали серебряный Гудзон; холмы и доли были все те же, что испокон веков. Рип был в сильном замешательстве.

«Проклятый кубок, – подумал он. – От этого кубка, что я выпил вчера, все помутилось у меня в голове».

Не без труда отыскал он дорогу к своему дому. Он приближался к нему молча, со страхом, каждый миг ожидая услышать пронзительный голос госпожи Ван Винкль. Дом его почти развалился – крыша рухнула, окна покосились, двери были сорваны с петель. Тощая собака, похожая на Волка, бродила вокруг дома. Рип позвал ее по имени, но она зарычала, ощерилась и не подошла к нему.

«Даже пес мой забыл меня», – вздохнул бедный Рип.

Он вошел в дом, который, правду сказать, госпожа Ван Винкль всегда держала в чистоте и порядке. Он был пуст, заброшен; как видно, в нем никто не жил. Эта заброшенность победила все супружеские страхи Рипа, – он громко позвал жену и детей. На мгновение в пустых комнатах отдался его голос; потом снова все стихло.

Он выбежал вон и поспешил к старому своему убежищу – деревенскому кабачку, – но и тот исчез. Большое ветхое деревянное строение стояло на месте кабачка, зияя широкими окнами, из коих иные были разбиты и заткнуты старыми шляпами и юбками, а над дверью намалевано было: «Гостиница «Союз» – Джонатана Дулитля». Вместо большого дерева, под сенью которого в былое время стоял тихий голландский кабачок, здесь торчал теперь высокий голый шест, на верхушке которого висело что-то похожее на красный ночной колпак; на шесте развевался флаг, расписанный каким-то узором из звезд и полос ²⁵. Все это было странно и непонятно. Рип узнал все же на вывеске румяное лицо короля Георга, под которым выкурил он столько мирных трубок; но даже и этот портрет удивительным образом преобразился. Красный камзол стал голубым и желтым, в руке был меч вместо скипетра, а голову украшала треуголка; внизу крупными буквами намалевано было: «ГЕНЕРАЛ ВАШИНГТОН» ²⁶.

Как обычно, народ толпился у дверей, но в толпе не было никого, знакомого Рипу. Изменился, казалось, даже самый характер людей. Деловитый, запальчивый, сварливый тон господствовал вместо привычной невозмутимости и сонного спокойствия. Тщетно Рип искал мудрого Николаса Веддера с его широким лицом, двойным подбородком и славной длинной трубкой, извергающего клубы табачного дыма вместо праздных речей. Не было тут и школьного учителя Ван Боммеля, не спеша излагавшего содержание ветхой газеты. Вместо них тощий, желчного вида парень с полными афишек карманами яростно распространился о правах граждан, о выборах, о членах Конгресса, о свободе, о героях семьдесят шестого года и о многом дру-

²⁵ «Флаг, расписанный узором из звезд и полос» – национальный флаг Соединенных штатов. Пока Рип спал в горах, в Америке совершились важные события: Соединенные штаты победили Великобританию в войне за независимость (1776–1782).

²⁶ Генерал Вашингтон (1732–1799) – главнокомандующий американскими военными силами во время войны за независимость и первый президент Соединенных штатов.

гом, что показалось прямо-таки вавилонским смешением языков растерявшемуся Рипу Ван Винклю.

Появление Рипа с длинной седой бородой, ржавым дробовиком, в странной одежде, с целой армией женщин и детей, которая следовала за ним по пятам, привлекло вскоре внимание деревенских политиканов. Они окружили Рипа, с великим любопытством оглядывая его с головы до пят. Оратор пробился к нему и, оттащив его в сторону, спросил, за кого он голодает. Рип, ничего не понимая, уставился на него. Другой, маленький, но шустрый человечек, потянул его за руку и, встав на цыпочки, шепнул ему на ухо: «Ты федералист или демократ? ²⁷» Рип и этого вопроса не понял. Тут почтенный и солидный джентльмен в рогатой треуголке проложил себе дорогу сквозь толпу, расталкивая народ локтями направо и налево, и, остановившись перед Ван Винклем, подбоченясь одной рукой, а другой опершись на палку и проникая ему в самую душу пристальным взглядом и рогами треуголки, спросил его строго, зачем пришел он на выборы с ружьем на плече и привел за собой эту ораву, – не хочет ли он поднять мятеж в деревне?

– Увы, джентльмены! – вскричал Рип, испугавшись не на шутку. – Я человек бедный, мирный, я уроженец этой деревни и верный подданный короля, да благословит его бог!

Тут у присутствующих вырвался общий крик:

– Он тори ²⁸, он тори! Шпион! Предатель! Долой его!

С превеликим трудом почтенный человек в треуголке восстановил порядок и вдесятеро строже прежнего, наморщив лоб, снова спросил неведомого злодея, зачем он явился сюда и что ему нужно.

Бедняга смиренно уверял его, что ничего не имеет в мыслях худого и просто пришел сюда поискать кого-нибудь из соседей, которые обычно собирались тут у кабачка.

– Ну, кто они такие? Назови их!

Рип задумался на минуту, потом спросил:

– Где Николас Веддер?

²⁷ Федералисты и демократы – боровшиеся между собой буржуазные партии; федералисты были сторонниками Вашингтона.

²⁸ Тори – политическая партия; во время войны за независимость тори были сторонниками королевской власти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.